

КРИМИНАЛЬНАЯ СУБКУЛЬТУРА ОСУЖДЕННЫХ

Е.А. АНТОНЯН

Криминальную субкультуру можно определить как образ жизнедеятельности преступников, лишенных свободы, находящихся в однополых сообществах и придерживающихся определенных обычаев и традиций, как особую философию жизни, особое видение отношений между людьми. Эта среда, особенно в отрицательно ориентированных группах, отличается размытостью моральных норм, жестокостью, утратой многих общечеловеческих качеств – жалости, сострадания, отсутствием запретов на любую, в том числе и интимную информацию, половой распущенностью, низким уровнем духовного развития и т.д. Эта субкультура складывалась столетиями под влиянием как общей культуры страны, так и специфического видения жизни лиц, изолированных от общества.

Таким образом, специфику тюремной субкультуры определяют три фактора: *наличие в ней преступников, иногда весьма опасных, отчуждение преступников от остального общества и то, что это всегда лица одного пола.*

Типичной особенностью тюремной субкультуры является противоречивость существующих там социальных норм и правил. С одной стороны, можно зафиксировать в этой среде жесткость стандартов, обман, безжалостность, паразитизм и вандализм, а с другой – нередко верность товарищескому долгу, взаимовыручка, стремление поддержать тех, кому особенно плохо. В то же время и те, и другие упрощены, прямолинейны, грубы, не содержат средних значений и нюансов, которые неизменно обогащают отношения людей и весьма характерны для современной жизни. Первую группу тюремных норм и правил поддерживают, как правило, преступники-рецидивисты, являющиеся лидерами криминального мира, объединенные в элитные группы, однако они стараются сделать эти правила всеобщими и наказывать за их нарушения.

Культивирующиеся в местах лишения свободы жестокость стандартов, обман, безжалостность и вымогательство, паразитизм и вандализм расценивается там как справедливость, верность товариществу, долг перед «своими». Для криминальных групп характерна обязательность для ее членов соблюдения всех неформальных норм и правил; послушники, как правило, подвергаются довольно жестким, а порой и очень жестоким, наказаниям. Криминальная субкультура такова везде, но наиболее отчетливо и резко ее нормы, называемые «понятиями», выступают в местах ли-

шения свободы — именно потому, что это места лишения свободы, т.е. места изоляции и сосредоточения там преступников.

Происходит это по разным причинам, но надо понять, что чем хуже и бесчеловечнее условия отбывания наказания, чем больше эти условия отделены от современной цивилизации, тем сильнее среди лишенных свободы отмечается уход в некие первобытные, примитивные формы существования людей. Эти формы вытесняют то, что создано цивилизацией и представляют собой не что иное, как ее отрицание.

Выделим следующие элементы криминальной субкультуры:

- своеобразная «табель о рангах», закрепляющая положение того или иного члена преступного социума. Сюда относятся: наличие кличек, татуировок и иных стигматизаций, существенных привилегий у членов элитных групп, поведенческие атрибуты;
- «воровские законы», «тюремные законы», правила и традиции преступного мира, а также клятвы и проклятия, принятые в криминальной среде. В совокупности они представляют собой отход в первобытность, примитивизацию жизни. При помощи этих «законов» и традиций регулируются взаимоотношения в криминальных сообществах;
- так называемые коммуникативные атрибуты. Сюда, кроме уголовного жаргона и специальных жестов, относятся также упомянутые выше клички и татуировки, выступающие как средство общения и взаимодействия;
- наличие экономических рычагов в виде «общака» и иных принципов оказания взаимной материальной помощи, которые являются обязательной базой криминальных сообществ, их сплочения, дальнейшей криминализации, расширения влияния на самые разные сферы жизни людей, лишенных свободы;
- тюремная лирика, выраженная, в основном, песнями, реже — стихами, и различного рода небылицами, выдаваемыми за события, действительно имевшие место. Многие из этих небылиц носят архетипический характер, но в целом представляют собой часть современной мифологии. Ее темы достаточно стабильны, а формы могут меняться в зависимости от этнических и религиозных факторов;
- отношение к своему здоровью, меняющееся в зависимости от того, что выгодно данному человеку в данный момент: от симуляции и членовредительства до упорного и самозабвенного занятия различными видами спорта.

Говоря о тюремной субкультуре, обязательно следует обратить внимание на так называемые *тюремные* и *воровские законы*, кото-

рые являются основными неформальными регуляторами жизни осужденных. Эти понятия ни в коем случае не следует объединять, так как между ними существуют значительные различия, при том, что корни у них, безусловно, одни. «Воровской закон» — это свод неписанных правил и норм, обязательный для «воров в законе». Часть его положений распространяется не только на «воров в законе», но и на всех других осужденных и заключенных в местах предварительного содержания и вообще на лиц, относящихся к криминальным сообществам. Та часть воровского закона, которая обязательна для всех остальных, называется *тюремным законом*. Таким образом, *тюремный закон* — это свод норм, правил, запретов и традиций, обязательный для всех осужденных и заключенных, независимо от их принадлежности к той или иной категории в «табели о рангах». *Тюремный закон* регулирует отношения как между отдельными осужденными и заключенными, так и между их группами; он определяет основы и механизмы разрешения возникающих конфликтов как между отдельными лицами, так и между группами лиц. Таким образом, можно сказать, что соблюдение норм *тюремного закона* обязательно как для «воров в законе», так и для всех остальных осужденных в местах лишения свободы, а соблюдение положений «воровского закона» обязательно только для элиты и для всех, кто стремится попасть в нее.

В основе сплоченности преступных объединений в местах изоляции от общества лежит их довольно хорошая организованность и очень жесткие санкции по отношению к нарушителям названных норм. Эти правила мира преступников объединяют их в противовес остальному обществу. Они как бы говорят ему: «Посмотрите, мы не такие как вы, но и у нас есть свои правила и мы живем в соответствии с определенными нормами». Это не какое-то искусственное желание походить на остальных (свободных) людей. Это подтверждение того, что за решеткой осужденные не теряют определенные человеческие качества.

В криминальном мире существует четко выраженная иерархическая структура. Она как бы повторяет стратификацию общества вообще, но в гораздо более грубых, резких и жестоких формах. Особенно четко это проявляется, конечно, не на свободе, а в условиях изоляции — в исправительных учреждениях и следственных изоляторах. Деление заключенных и осужденных происходит по неформальным социальным группам. Каждая из них занимает определенное место в тюремном сообществе. Можно встретить различное деление осужденных по месту, занимаемому ими в иерархической системе: двух-, трех- и даже шестиступенчатое. Наиболее распространенной является деление осужденных на три основные группы: элита и те, которые занимают низшую

ступень, а между ними средняя и самая многочисленная прослойка — представители. Последние стараются не вмешиваться ни в какие конфликты, но среди них обычно бывают авторитетные лица, к мнению которых прислушиваются. Их кредо — жить тихо, освободиться как можно раньше.

В отличие от, так сказать, обычного общества, повышение статуса, т.е. переход из одной группы в другую чрезвычайно редок и затруднен, а для представителей низших слоев вообще невозможен: они стигматизируются навсегда, клеймо отвергнутого сообществом следует за ними и после освобождения от наказания. В то же время необходимо отметить, что понижение статуса в иерархической лестнице — явление для криминального тюремного сообщества довольно обычное. Понижение неформального статуса происходит в основном из-за нарушения тем или иным осужденным каких-то тюремных норм и правил.

Стратификация в тюремной среде во многом повторяет то же социальное явление в свободном обществе, но очень грубо, прямолинейно и безжалостно. Как и во всем остальном, здесь тюремная жизнь не знает и не понимает никаких оттенков и переходных значений, она рубит, в основном, примитивно, мало сообразуясь с необходимостью обеспечения человеческого достоинства, его защиты, с гуманитарными требованиями.

Стратификация тюремной среды, как и вся тюремная жизнь, во многом одна и та же в разных странах мира, но отечественная тюремная система уникальна и резко отличается от таких же систем в других цивилизованных странах. Собственно тюрем у нас очень мало, и они предназначаются для отбывания наказания самых опасных преступников. Все остальные — это колонии, в которых осужденные разбиты на отряды от 80 до 120 человек. Один отряд обычно занимает один барак, представляющий собой огромное помещение, в котором койки для сна и отдыха расположены в два яруса. В тюрьмах же западных стран осужденные распределены по отдельным камерам на одного, двух или трех-четырех человек. В тюремных камерах каждый имеет нечто свое, он не открыт все 24 часа всем остальным.

Барачные условия крайне примитивизируют жизнь: осужденные постепенно теряют чувство стыда, они испытывают острое одиночество, когда людей вокруг всегда очень много, а довериться некому. Все криминальные правила и традиции в бараке внедрять и поддерживать проще, чем в тюрьме, наказывать провинившихся и отступников здесь тоже намного проще, не говоря уже о тюремной иерархии. С другой же стороны, администрации колонии контролировать соблюдение законов и поведение осужденных несравненно сложнее.

Теневая власть в отечественных исправительных учреждениях принадлежит представителям элиты. Исправительные учреждения, где они являются хозяевами положения, называются «черными зонами», а «зоны», где они власти не имеют — «красными». Власть элиты может быть и не ярко выражена, внешне «зона» может казаться благополучной: соблюдается распорядок дня, выполняются плановые производственные задания, проводятся учебные занятия, отсутствуют грубые нарушения режима содержания. Но это только внешне.

Представитель элиты — это представитель верхней ступени иерархической лестницы криминального сообщества. Как правило, он (или они) обязан признавать «тюремный закон», не должен иметь в своей биографии «черных» пятен, обязан следовать правильным «понятиям». По возможности, такой человек в колонии не должен работать. На него обычно возлагается обязанность осуществлять общий контроль над осужденными, разрешать возникающие конфликты, следить за тем, чтобы не притеснялись те, которых элита взяла под свою защиту. Представители высших групп обязаны следить за тем, чтобы им постоянно попадали чай, продукты питания, сигареты, спиртное, наркотики, которые должны распределяться между ними, но могут перепадать и другим осужденным.

Элитную группу условно можно разделить на две большие подгруппы: приближенных к лидеру и поэтому относительно независимых, но имеющих много денег преступников, которые в силу этого могут себе позволить вести довольно независимый образ жизни, даже иметь свою охрану и различного рода прикрытия. С этой категорией вынуждены считаться даже лидеры, что повторяет ситуацию в свободном обществе, в котором люди на вершине власти обязаны соблюдать интересы своего ближайшего окружения.

Лидер тюремного общества не может «назначить» им себя, он должен быть им признан другими преступниками, как правило, рецидивистами, имеющими высокий статус в неформальной среде. Лидер обязан хорошо знать криминальную субкультуру, чтобы адекватно ориентироваться в преступном мире и принимать правильные решения. Однако коррупция не могла не проявиться и среди профессиональных преступников, в связи с чем этот «титл» иногда просто покупается.

Говоря о тюремной субкультуре, необходимо сказать и о таком явлении как «общак» (общая денежная касса). Выделяют три разновидности общих денежных касс, создаваемых преступными сообществами, с учетом двух факторов — местом создания и контингентом пользователей:

- кассы, создаваемые из паевых взносов членов организованных преступных сообществ, занимающихся противоправной деятельностью;
- кассы («общаки»), создаваемые в местах лишения свободы;
- кассы, действующие в условиях свободы, которые образуются более сложным путем, чем «общак» в исправительных учреждениях; он складывается из вкладов различных категорий профессиональных преступников, причем взносы делают, как правило, подавляющее их большинство. Деньги берутся из различных видов рэкета, отчисляются за помощь по взысканию долгов, разрешение споров между предпринимателями, осуществление функций третейского суда и т.д. Деньги из такой общей кассы могут использоваться для оказания помощи осужденным (особенно из элитных групп) и их семьям.

Для сохранности общей кассы выделяются пользующиеся доверием лидеров преступного мира лица, которым предоставляются значительные полномочия, вплоть до вынесения «смертных приговоров» в отношении лиц, допустивших нарушения «финансовой дисциплины». В исправительных учреждениях общей кассой, как правило, ведает один человек, наиболее приближенный к местному неформальному лидеру. Сам ее хранитель в исправительном учреждении не может без разрешения тратить что бы то ни было под страхом смерти. Определить хранителя кассы в исправительных учреждениях – довольно сложная задача, так как он обычно очень законспирирован, внешне может выглядеть вполне законопослушным осужденным, не нарушающим режим содержания.

Теперь стоит сказать немного о тюремной «прописке». «Прописка» на уголовном жаргоне означает процедуру принятия новичка в свои ряды. Среди взрослых преступников этот ритуал встречается достаточно редко, в основном эту процедуру проходят в следственных изоляторах, в камерах, где содержатся несовершеннолетние. Эта процедура отдаленно напоминает первобытный обряд инициации, который в разной форме и в разной степени выраженности сохранился и в свободном обществе.

Суть «прописки» состоит в том, что ею проверяется «бывалость» вновь прибывшего, его выносливость, находчивость, сообразительность и другие достоинства, считающиеся необходимыми в тюремной жизни. Но самое главное – «пропиской» проверяется умение новичка постоять за себя, и прибывшие новички довольно тщательно изучаются своим новым окружением. Исходя из этого определяется статус новичка, а, соответственно, и его права и обязанности, а также место в данном социуме. «Пропис-

ка» зачастую носит характер довольно злой забавы, иногда весьма опасной для здоровья человека, как в физическом, так и в психическом плане.

«Прописку» не проходят лица, занимавшие (занимающие) высокий статус в криминальных сообществах, но если это не широко известное лицо, то ему надо привести доказательства, что он действительно занимает такой статус.

С понятием «прописка» неразрывно связано понятие «прикол», так как прописка и проводится с использованием «приколов». «Приколы» – это разного рода загадки, хитрости, игры и т.д., цель которых «приколоть», т.е. поймать, уличить новичка в незнании норм и правил криминального сообщества. От того, как новичок ответит на «приколы», в немалой степени, зависит результат «прописки» и, соответственно, то место, которое он займет в преступной иерархии. Подобные испытания характерны и для некоторых других однополюх закрытых сообществ, имеющих свою субкультуру, особенно в армии. В тюремных же коллективах эти испытания преследуют еще одну цель: обязательно сделать так, чтобы кто-нибудь не выдержал «экзамена» и был поэтому опущен на самую нижнюю ступень иерархической лестницы, где он будет играть роль козла отпущения, на него сообщество перекладывает свою вину и ответственность, он служит объектом воздействия, на котором снижается психическая напряженность. Выделяя из своих рядов отчужденных таким способом лиц, преступники как бы говорят: «да, мы плохие, но есть еще хуже нас».

Отличительной чертой криминальной субкультуры является уголовный жаргон, который, к сожалению, стал активно проникать и в свободное общество. Его можно определить как закономерное явление, отражающее специфику закрытого сообщества преступников, как степень их организованности и профессионализации, как то, чем они отделяют себя от других. Иными словами, это особый язык мира, находящегося в оппозиции к обществу и способ продемонстрировать ему свою особость. Эта его специфика давно привлекала к нему внимание, вспомним, например, О. Бальзака, который подчеркивал его необычность, живость, общность.

Причины возникновения уголовного жаргона, кроются, прежде всего, в особенностях психологии преступников вообще и рецидивистов, в частности, точнее – профессиональных преступников. Жаргон порожден отчужденностью преступников, их особым образом жизни от преступления к преступлению, от следствия до тюрьмы, образом жизни гонимых и преследуемых. Причем не столь важно здесь, что их преследование одобряется

правом и моралью. Они-то (в своей массе) отрицают это право и эту мораль. Их язык – это и язык их оппозиции к ним.

Уголовный жаргон предназначен для зашифровки сообщений с тем, чтобы непосвященный не мог понять, о чем идет речь или понял превратно. В этом уголовном жаргоне достаточно большое число синонимов, например, для обозначения доносчика в нем имеется более сотни наименований. Одна из функций уголовного жаргона – выявление с его помощью подосланных правоохранительными органами лиц. Знание его необходимо также и для того, чтобы хорошо разбираться в преступной иерархии, понимать криминальные нормы и правила.

Одно из назначений уголовного жаргона – обеспечение жизненной и преступной активности криминальных сообществ. Большая часть используемой лексики обозначает орудия совершения преступлений, похищаемые предметы, способы ухода от преследования, формы поведения на суде, сам характер преступной деятельности, субъекты и объекты преступлений, лиц на различных ступенях криминальной иерархии, отношения между ними и т.д.

Нельзя не упомянуть и другие атрибуты криминальной субкультуры, в частности, клички. Кличка является атрибутом многих других закрытых субкультур и используется не только для анонимности, но и для сокрытия своего настоящего имени. Кличка, на наш взгляд, является продолжением древней традиции сокрытия своего имени, чтобы его носителю не был причинен ущерб. Об этом достаточно убедительно писал К. Леви-Строс применительно к первобытной культуре. Возврат ко многим ее формам и смыслам мы видим в криминальной субкультуре. Названная же оценка клички призвана подтвердить это. Кличка, как правило, дается одна на всю жизнь, но нередки случаи, когда осужденный имеет и несколько кличек, каждая из которых отражает какую-то сторону его характера, манеры поведения и т.д. Избавиться от присвоенной «клички» очень трудно, практически невозможно. Но в случае повышения или понижения статуса осужденного обычно кличку меняют.

Еще одна особенность тюремной субкультуры – клятва. Это данное осужденным слово («слово чести»), которое необходимо держать. Лица, не выполняющие данной ими клятвы, как правило, переходят на низшие ступени в преступной иерархии. Клятва – выраженное свидетельство того, что многие преступники живут в мистифицированном и магическом мире, поэтому они верят в действенность клятвы, как и проклятия, верят во множество примет, которые, по их мнению, есть проявление судьбы и указание на дальнейшую жизнь. Это и свидетельство возвраще-

ния к далеким предкам, зов которых преступники так четко улавливают.

Проклятие представляет собой словесное пожелание кому-либо несчастья, неудач, потери здоровья и т.д. Цель «проклятия» — нанесение личности проклинаемого моральной, психологической и даже телесной травмы. Обмен «проклятиями» в криминальном мире — это не просто словесная дуэль. Это действительно психологическая борьба, в которой один из «проклинающих» должен одержать победу. Считается, что при обмене «проклятиями» необходимо уметь словесно уничтожить, свести на нет силу проклятий противника. К лицу, проигравшему поединок проклятий, не применяются никакие санкции, тем не менее, положение проигравшего может изрядно пошатнуться. Это тоже свидетельство возвращения к далеким предкам, зов которых преступники так четко, хотя и бессознательно, улавливают.

Основные правила состязаний в «проклятиях»: отвечать на «проклятия» может равный равному; отвечать на «проклятия» лицу, занимающему более высокую ступень в преступной иерархии, нельзя; победу одерживает тот, кто на «проклятия» противоположной стороны отвечает быстрее, логичнее, забористее и виртуознее; поражение в состязании обмена «проклятиями» (не всегда, но зачастую) ведет к снижению статуса в преступной иерархии.

Русская «тюремная лирика» как явление имеет мало аналогов в мире. «Тюремная лирика» в основном представлена песнями, хотя в последнее время некоторое распространение получили и стихи. Авторы арестантских песен и стихов установить, как правило, невозможно, поэтому все они воспринимаются как «народное» творчество, фольклор. В «тюремной лирике» в первую очередь воспевается культ личной независимости, свободы и стремления к ней, взаимовыручки и мести. В целом же тюремное творчество крайне примитивно, особенно если иметь в виду его формы, язык, стилистику. Это творчество людей с очень низкой культурой.

Изучение криминальной субкультуры необходимо для понимания внутренних психологических законов, по которым живут преступники, лишённые свободы. Это даст возможность оценить происходящие в их среде изменения и изучить процессы воспроизводства преступности, что важно для успешной разработки и эффективной борьбы с преступностью в местах лишения свободы. Это необходимо для оздоровления нравственной и духовной атмосферы в обществе.

Еще раз повторим, что субкультура тюрьмы во многих своих чертах повторяет первобытную культуру (прием новичков, клич-

ки, проклятия и т.д.). Это, разумеется, не случайно, а закономерно для сообществ,двигающихся назад и в сущности отрицающих современную цивилизацию. Поэтому задачей общества и государства является повышение нравственного и духовного уровня тюремных сообществ.

Аннотация

Автор говорит о криминальной субкультуре осужденных как особой философии жизни, изучение которой необходимо для понимания «внутренних законов», по которым живет преступная среда. Сделан вывод, что субкультура тюрьмы во многих своих чертах повторяет первобытную культуру.

Ключевые слова:

Криминальная субкультура, коммуникативные атрибуты, тюремная лирика, «воровские законы», исправительные учреждения, уголовный жаргон.

Summary

The author of the paper claims that criminal subculture of the convicted creates new mentality the knowledge of which is important for the understanding of laws of the underground world. The author comes to the conclusion that in several aspects the subculture of the imprisoned is close to the primitive culture.

Keywords:

Criminal subculture, features, prison poetry, honour among thieves, penitentiary, jargon of the underground world.